

Уже давно замечено, что снег в тундре ложится не везде ровно. В одном месте наметает под три метра, в другом так всю зиму земля и пролежит неприкрытая, вот камни даже потрескаются на морозе пятидесятиградусном. Такие места в народе называют продувными. Где находится продувное место, а где наоборот — узнать можно только в конце или хотя бы в середине зимы. К примеру, поставите вы палатку на берегу реки или озера, чтобы пургу переждать, вас снегом укроет по самую крышу, а берег напротив так и останется чистым и незаметанным. Если снег плотно не ложится на лед озера или реки, то, благодаря чистой воде, лед без снега будет на ярком солнце отдавать небесным цветом, лазурью.

Полярные волки обычно имеют с дворовыми собаками лишь одни отношения — задрать и съесть. Это когда год голодный. Но вот у Пашки Стрельнова жила собака, а точнее полуволчица, которая получилась неизвестно как. Жила-была у Пашки во дворе огромная рыжая псина дамского полу. Жила да жила, как вдруг в один осенний день замоталась мордой ночью в ошейнике, так задергалась вся, что будку сдвинула десятипудовую да и выскочила прочь... Кто-то говорил, что этой ночью видел, как эта рыжая псина бежала по поселку рядом... с волком. Причем не просто бежала, а заигрывала с ним так, как может только сука и заигрывать с кобелем. В народе говорят, такое происходит тогда, когда волчья порода испытывает очень большие трудности в потомстве, когда волков повыбивают и в округе остаются лишь одиночки.

Как там было на самом деле, неизвестно, но месяца через три собака вернулась и очень быстро родила одного щенка. Когда Пашка Стрельнов щенка увидел, то с губ сорвалось лишь одно слово:

— Волк... мать твою, волк!

Волк и в самом деле был волк, точнее волчица — серая, зубатая, кусачая, морда узкая, глаза умные, хвост паскудный, смотреть тошно.

Но росла волчица очень ласковой, верной, можно даже сказать приставучей собакой. Без Пашки никуда не ходила, жила на крыльце, на будку матери смотрела с презрением. Однажды, когда «девочке» уже был год и по волчьим законам это

---

* Хальмер — покойник, умерший человек (ненец.); то — озеро (ненец.). Хальмер-То — озеро мертвых.

был переярок, Пашка попытался надеть на нее ошейник с поводком, чтобы сходиться в районный центр... Маша, так назвали щенка, дважды куснула поводок, и тот лопнул на две части. Маша посмотрела на хозяина ласково и полезла мордой между колен хозяина ласкаться, чтоб погладил. Пашка погладил, посадил Машу в свою старую «Ниву», погрозил пальцем и сказал:

— Чтoб мне ни звука!

Сказал просто так, Маша лаять не умела. Чтo сделаешь — волчья порода. Мать Машки опять исчезла и больше так и не появилась в поселке. Говорили, чтo где-то за сотни верст южнее кто-то вроде как видел в волчьей стае, на которую была объявлена облава, рыжую волчицу, больше похожую на собаку.

Гордился Пашка Стрельнов своей «собакой» неимоверно, любил безмерно, нигде, никогда не расставался. Если надо было уехать куда, запирал Машу дома, жене наказывал, чтoб следила как за ребенком. Кстати, маленького пятилетнего сына Сашку волчица Маша охраняла как своего щенка, ходила за ним по двору, не упуская из вида ни на секунду.

Шестьдесят пятая параллель — это так называемое Приполярье. Холодина зимой зверская, пурги жуткие, снега в три метра наметает, еще и не тундра настоящая, но уже и не тайга. Лесотундра. Жители здесь держат коров, лошадей, свиней, овец, кур, уток и прочую живность. Если, конечно, загон хороший, утепленный. А потому те самые полярные волки — здесь явление нередкое. Овечка — еда для хищника получше, и добывать ее поспокойнее, не то чтo гоняться по тундре за стадом рогатых северных оленей.

Полуволчица Машка прожила у Стрельновых до февраля своего второго года рождения, после чего бесследно исчезла. Пашка погоревал, погоревал, чтo лишился любимицы, да и успокоился, поминая, чтo Машка все же полуволчица. Потом, к лету, Машка вдруг вернулась, да не просто вернулась, а с двумя щенками, один был абсолютно серым, как мать, а второй имел на шее и груди яркую подпалину. Пашка и не удивился, и не забеспокоился. Собачьего все же в них больше, решил он, раз домой тянет. Прожила Машка до самой осени вместе со своими щенками. Питалась, как обычная собака, щенков приучала к той же пище. Щенки не тякали, воду не лакали, а тянули, как волки, зубы свои ежедневно показывали и норов всемо двору. Так ни с кем и не сдружились, ни с сыном Пашки, ни с котом, с которым Машка игралась с самого детства, да и сейчас ласково обходилась, виляя хвостом, когда тот выходил во двор. Зато оба щенка регулярно заходили в теплый сарай, который сам Стрельнов называл загонem и где у него держались зимой овцы, гуси, куры и две свиньи, заходили, нюхали осторожно воздух и при первой же опасности, когда, к примеру, гусь крыльями хлопнет или свинья хрюкнет, тут же вздрагивали и убегали прочь к матери под бок.

Счастье продолжилось недолго, глубокой осенью, уже по первому снегу, возле поселка услышали волчий вой, после чего той же ночью пропала и Машка, и ее подросшие щенки.

Пашка подумал, подумал: а следует ли вообще связываться с собаками, у которых волчья кровь, да и завел себе обычную дворнягу с небольшой охотничьей кровинкой. Пес был обычный, лишь уши висели, как у сеттера, да хвост был похож на метелку. Пашка брал его на охоту, оказалось, чтo он неплохо идет на утку, с удовольствием прыгая в озера и болотца за подбитой дичью.

Прошло три года. Жизнь текла обычно, буднично. Днем Пашка работал на своем бульдозере, в выходные мотался на старенькой «Ниве» по лесотундре за глухарями да гусями. Хоть и жил зажиточно с семьей, но охота была для Пашки чем-то вроде отдушины от жизненных тягот. Может, потому, чтo водки не пил?

Зимой третьего года вдруг опять зачестили волки. Райцентр объявил большую приз за самое большое количество отстрелянных хищников. Все охотники поселка, в том числе и Пашка Стрельнов, выезжали пару раз на облавы и взяли приличное количество матерых да их щенков. Поселок зажил мирно и спокойно. По ночам стало тихо, собаки перестали надрываться от лая, всякая травоядная живность орать в своих загонах да метаться по сараям в поисках спасения от волчьих зубов.

Наступил март. Ночи стали короче, дни светлее. Во многих местах стали появляться первые проталины, которые еще занесет снегом, заметет весенними пургами. Жизнь шла своим чередом, разве что охота была закрыта во всем районе. Охотники теперь ждали мая, когда пойдет утка, гуси и можно будет поохотиться на селезня.

В марте месяце в загоне Пашки пропала овца. Собака, что была у него и которая неплохо справлялась с охотничьей службой, в охранники не годилась никак. Утром ее нашли перепуганную, нетронутую, но полуживую от страха. Она забилась к себе в будку так далеко, что даже не вышла к утренней миске с едой. Так и просидела в будке весь день. В этот день Пашка не досчитался одной овцы. Волки.

Первое, что делает в таком положении хозяин, — ставит, к примеру, капканы. Пашка и поставил капканы. Походил, посмотрел следы волчьи, да ничего в мешанине дворовой различить не смог и просто поставил несколько штук. Поставил там, где хищники или хищник могли пробраться в загон или перемахнуть двухметровый забор вокруг дома. Капканы простояли три дня. Три дня Пашка спал тревожным сном, вскакивая при каждом шорохе. Три дня прошло, и на четвертый пропала еще одна овца... Капканы остались нетронутыми. Собака сидела в будке прочно, опять весь день из нее не выходя, то ли понимая, что не уследила, то ли трясясь от страха — ушли волки или не ушли?

Все утро Пашка потратил на то, чтобы понять — сколько волков приходило в его двор? Спрашивал у соседей — были ли у них сегодняшней ночью гости? Гостей, оказалось, ни у кого не было. А три дня назад? И три дня назад все было тихо. Как извели прошлый раз волков, так и, слава богу, все спокойно. Стрельнов задумался, что же это получается — волки были только у него? Вроде не на краю поселка живет, чтобы хищники по этой причине выбрали его двор? Потом осмотрел калитку в заборе, что была, как это обычно, ниже самого ограждения, ничего на ней не нашел и сделал над ней высокую надстройку в уровень забора.

Два дня Пашка жил спокойно, на третий начал караулить. Снарядил патроны крупной картечью, сел в сенях дома и стал ждать. Пару дней никого не было, и он уже хотел бросить это занятие — глупо сидеть перед дверью с крошечным окошком да просматривать свой двор в ночи весенней. А может, это и не волки совсем? А кто? Кто может унести такое животное, как овца, да еще так сильно напугать собаку? Да сделать все так тихо, аккуратно, что соседи ничего не слышали? Только волки. И Пашка решил подежурить еще пару ночей. Ему повезло, через сутки во дворе вначале глухо зарычала собака, причем она не гавкала, а просто рычала, да так, как может рычать напуганное животное, не защищая двор и территорию, а лишь пытаясь защитит себя. Пашка стряхнул с себя сонное состояние, проверил оружие, осторожно выглянул во двор через окошко, никого не увидел. Тогда двери тихонько открыл... двери все равно скрипнули. Вот же зараза! Ну хотел же смазать еще прошлый раз!.. Двери скрипнули, Пашка тут же щелкнул выключателем, и двор озарился светом хорошей киловаттной лампы. Пашка вылетел из дома, оглянулся — следы смотреть? У забора где-нибудь?.. Да глупость, какие следы, какой забор, надо срочно в загон! В загон!.. Эта тварь уже точно там хозяйничает!

Стрельнов рванулся к загону. Пролететь в загон, в сущности, можно было лишь со стороны входа, здесь дверь была не очень хорошо подогнана и между ней и землей был широкий лаз. Но лаз этот всегда зимой очень прочно заматался

снегом, дверца отворялась внутрь, ничего, никому не мешало. И сейчас там, где можно было подкопаться волку, было совершенно чисто, нетронуто, снег белый, мартовский, чуть севший.

Пашка двинул ногой по засову, толкнул ногой двери, ружье просто провалилось стволами внутрь загона... Тихо. В загоне лишь гоготали гуси и кудахтали перепуганные курицы, овцы сбились в кучу, стояли глупо и беспомощно. Пашка включил свет... Влево, вправо... И здесь взору его представилась картина, от которой он даже оторопел. Прямо перед ним, там, где сидели гуси, стояла огромная собака серой масти с рыжей шеей и рыжей грудью... В пасти у нее уже висел задавленный гусь, у которого еще чуть-чуть трепыхались крылья. Похоже, на овцу просто не успел. Собака была бы собакой, но, когда глаза их с Пашкой встретились, он сразу понял — волк! И не просто волк, это же тот... это же... щенок Машки! Тот самый рыжий!.. И подпалины на шее и груди — один в один! Все щенком загон этот обнохивал, как запас себе на жизнь делал! Ах, скотина! Гнев настолько охватил Пашку, с такой силой, что он даже про ружье забыл, хотел даже за вилы от злости схватиться, так — по-крестьянски.

Волк с гусем в зубах легко перемахнул перегородку, отделявшую птицу, тут же в два прыжка подлетел к Пашке и вдруг прыгнул ему прямо в грудь, повалил человека лапами на землю. Пашка быстро перевернулся, ружье пока поднимал, увидел, как рыжий волк с легкостью кошки, что запрыгивает на табуретку, перемахнул двухметровый забор и ушел восвояси.

— Сволочь! — бросил Пашка ему на прощание, наконец поднялся, бесполезное ружье подобрал и пошел домой.

Дома долго сидел в кухне, смотрел на стволы ружья, думал о том, как его ловко провели и ругался тихонько, стараясь своих не разбудить.

Утром супруга Наталья спросила, как дела у сторожа? Спросила мило так, с легким женским смешком в голосе, как, бывает, разговаривают с мужьями жены, когда им весело и смешно, но мужа обидеть не хотят.

— Представляешь, — серьезно ответил Пашка за завтраком, — это тот... волк...

— Какой тот? — уже испуганно переспросила она.

— Тот щенок Машки... с рыжей грудью. Он... он гуся сегодня утащил, скоро вернется, гусь ему что — на пару дней не хватит.

— С чего ты решил, что он к нам вернется? Может, он вон... к соседям вернется?

— Не-ет, — Пашка даже улыбнулся злорадно, — этот к нам вернется... этот гад... он помнит все... детство свое. Все ходил здесь, обнохивал, щенок поганый! Все запомнил. Зачем ему соседи какие-то неизвестные? Он тут все знает, где прыгнуть, где пройти... Надо сегодня загон осмотреть, там наверняка подкоп есть его... зарыть, что ли.

— Бетоном залей, — посоветовала супруга.

— Прокопает в другом месте, бетон — это чушь. Здесь иначе надо.

— Как иначе? — снисходительно спросила жена.

— Убить, — ответил Пашка и вышел из-за стола.

— Убить, — недовольно произнесла жена.

— А что еще? — обернулся Пашка. — Кормить его каждую неделю овцами нашими?

— Ну не знаю... как-то, — Наталья растерялась, — просто... мы его щенком же кормили, кормили...

— А он и отплатил нам! Понял, что здесь ему халява! Ну да я покажу ему халяву!

— Может, в стаю уйдет? — уже в спину спросила супруга.

Пашка остановился, повернулся на Наталью, лицо его от удивления стало вытягиваться.

— В стаю?.. А и вправду?.. — оторопел он. — Почему в стаю не ушел?.. А может, наоборот? — он даже голову склонил набок от пришедшей мысли. — Выгнали из стаи, он и повадился?

С этого утра Пашка задумался — как выманить зверя и застрелить его? Даже подумал вначале просто каждую ночь спать в загоне. С ружьем в обнимку вместо жены. Как появится зверь, так лупить его, ни на кого не глядя, даже если какую овцу ранит или убьет, так это дешевле, нежели опять отдать ее этому упырю. Но спать с ружьем в загоне не стал. Вначале решил походить — благо, была суббота — по знакомым старым охотникам, поспрашивать, как бороться со зверем? Ничего особенного ему не присоветовали, охотники сами боролись с волками теми же методами, какими пытался бороться Пашка — капканы ставили, сторожили в загонах, иногда выслеживали зверя по оставленным следам, но это приносило мало пользы. Волк мог пройти по лесотундре, в поле или самом лесу за день сотню километров, здесь надо хотя бы мотосани иметь, какой-нибудь «Буран», а у Пашки, кроме старенькой «Нивы», ничего не было.

Помотался Стрельнов по охотникам, посидел дома, размышляя и на капканы поглядывая, да и отправился в лес, далеко на юг, где сейчас стояли стойбищем лесные ненцы. Оленей они пасли в лесотундре, кочевали глубоко на юг в суровые зимы. О волках, конечно, знали много больше, нежели кто другой. Сейчас ненцы стояли в лесу совсем рядом с тракторной дорогой, потому подъехать к ним было совсем просто.

В стойбище он знал пару человек, встречались на рыбалке на озерах, не раз помогал им сети тянуть, потому обратился к ним за помощью. Парни выслушали его, привели какого-то старого деда, что Пашку удивило — чисто выбритого. Дед по-русски не говорил совсем, приходилось переводить. Услышав, что хочет «белый» человек, старый ненец улыбнулся, сказал что-то на своем языке, Пашке перевели:

— Говорит, что просто так волка не возьмешь, выследить не сможешь, умный зверь... самый умный зверь. К нам не ходит, давно не ходит. А что касается рыжего волка, так видели его наши мальчишки прошлой зимой на озере... За лесом лежит озеро Хальмер-То, но ходить туда не надо. Он там прячется, значит знает что-то. Озеро плохое, поганое, вода идет как в реке, промоин много... Жди его, когда он с озера пойдет в поселок. Там жди. На озеро не ходи, нельзя тебе туда.

Сказав такую речь, старый дед удалился. Ненцы, что переводили, кивнули ему и тоже сказали:

— Не ходи, Паша, на Хальмер, плохое озеро, поганое, лед голубой, значит вода рядом... промоин много...

— Рассказывай, — усмехнулся Паша, — я вон с друзьями на неделе на Вашкиных озерах рыбачил, так лед там тоже голубой, а толщина, знаешь, какаа... Полтора метра! Едва коловоротом пробурили лунку!

С этим и уехал. Возвращался домой немного в расстроенных чувствах, ничего же не узнал существенного. Что с того, что мальчишки ненцы видели рыжего волка на Хальмер-То? Прошлой зимой этот рыжий на Хальмер-То бичевал, а сейчас, может, где-нибудь под самим райцентром лежит себе под корягой да гуся его переваривает, на оторванные башки его овец поглядывает.

Однако тут же съездил домой, взял пару капканов, приманку, поехал на Хальмер-То. Остановиться пришлось метров за триста. Прошел пешком по крепкому насту почти до берега озера, вбил железные кольца в глубокий снег и привязал к ним капканы. Правда, говорят, что волк не сидит в капкане, отгрызает себе лапу... ну да посмотрим.

Дальше Пашка поступил совсем уже разумно — он пошел в местную библиотеку, что размещалась в школе, и попросил что-нибудь почитать о волках. Ему дали

книжку, которая так и называлась — «Волк», написал ее Павлов (давно написал, еще в восьмидесятых годах прошлого столетия), охотовед, биолог из Кирова. Пашка столько узнал интересного и нового об этих хищниках, что с огромным уважением вдруг вспомнил старого ненца и его слова: умный зверь, самый умный зверь. В книжке Пашка вычитал, что один матерый зарезал полугодовалого бычка, взвалил его себе на спину и перемахнул с ним... двухметровый забор! Что ж этому удивляться, что рыжий перемахнул его с гусем? Оказывается, стаи бывают такие... на Таймыре обнаружили в один год стаю в пятьдесят четыре головы! Ужас! Это же и «калашникова» не хватит, чтобы отбиться?

После книжки, которую Пашка проглотил за ночь, уже утром следующего дня, в воскресенье, он отправился на Хальмер-То, посмотреть капканы. Доехал быстро. Шел долго. Оборачивался. Почему-то после книжки людоедства бояться начал.

Следов волчьих или какого другого присутствия хищников на озере он не обнаружил. Капканы стояли чистые. Возле южной стороны озера росли немногочисленные тонкоствольные березки. Ненцы говорили, где-то здесь у них находится родовое захоронение, потому ходить сюда без нужды нельзя... святое место, что ли? Ну да он же не просто так? Он по делу.

Зачем-то Пашка достал свой бинокль и стал осматривать местность более внимательно, но сколько ни вглядывался через мощную оптику, ничего не увидел. Озеро было чистым, пустым и голубым. Светило яркое, уже пригревающее мартовское солнце и озеро под ним просто сверкало. По льду, где снег не мог зацепиться за лед, шла ослепительная, сияющая в голубом обрамлении солнечная «дорожка». Что бы там ни говорили ненцы, но лед на озере был такой, что можно было по нему на тракторе прокатиться. Даже со стороны видна была крепость льда и его толщина. Может, когда-то, в какой-то теплый год и в самом деле лед был слабый, но сейчас!.. Впрочем, что ему лед? Ему волк этот нужен поганый. Пашка вторично просмотрел все озеро, вглядываясь в места, где могло быть волчье логово или, как он вычитал, — волчья лежка, но ничего похожего так и не обнаружил.

Домой вернулся, проверил капканы во дворе, засыпал развороченный лаз в загон с внешней стороны, там, где как раз находились овцы. Получалось, что когда волк в загон влезал, то попадал точно к овечкам, те, конечно, блеяли, но овцы — это тебе не гуси, не куры, кричать да кудахтать не станут, животное смиренное во всех отношениях — поблеет немножко да героически сдохнет в зубах хищника. Пашка достал из сарая старый клоч стекловаты и заткнул им дыру сверху. Посмотрел, усмехнулся, сам себя спросил: что ж ты делаешь, дурень, это же тебе не крысы с мышами, чтоб стекловаты бояться? Но клоч этот оставил, а возле лаза еще и капкан один припорошил снегом да привязал его цепочкой к столбу загона.

Ничего не помогло. Этой же ночью, когда Пашка уже немного успокоился, спал с открытой форточкой, во сне услышал жалобное блеяние овец... Вскочил, перепугал жену, в одних исподних выскочил во двор, потом впопыхах вернулся, схватил ружье, вновь выскочил во двор и заметил серую волчью спину, с овцой сверху, перемахивающую его двухметровый забор. В бессильной злобе саданул сразу с обоих стволов в небо... Поселок сотрясло два взрыва. Залаяли собаки. Где-то послышалась грубая мужская брань. Пашка вернулся в дом, швырнул ружье на пол, сел на табуретку и закрыл лицо руками. Сил не было. Злоба душила. «Рыжий» опять оказался умнее.

Так началось воскресенье. Пашка весь день проходил по двору, придумывая все новые и новые ловушки для хищника. Наконец придумал. Он съездил в свое хозяйство, нашел сторожа, попросил открыть гараж. Там давным-давно в подсобке валялся моток старой колючей проволоки...

Весь день Пашка под усмешки прохожих и сальности соседней намагивал колючую проволоку сверху ограды, прямо по всему периметру забора. Получилось неплохо, даже прочно. Только одна калитка с искусственным наращением до высоты забора осталась нетронутой, просто на калитке не было места, где можно было бы проволоку эту прикрепить. Ну да что такое калитка в метр шириной, когда десять соток двора огорожены?..

Весь оставшийся март Пашка спал спокойно. Он уже стал забывать все свои неудачи, собрал капканы, что стали проявляться из-под таявшего снега. Ружье запрятал в железный шкаф, возил сына Сашку на озеро Хальмер-То, рассказывал, как он здесь волка рыжего искал, занимался хозяйством в свободное время, даже получил премию и диплом лучшего тракториста от поселкового хозяйства. Жизнь так хорошо устраивалась, что... когда в уже светлую ночь апреля в загоне возмущенно закудахтали куры, гоготнули гуси, Пашка, пока ключ от шкафа ружейного искал, патроны в стволы загонял, пока решал, в тапочках ему выскакивать во двор или ботинки надеть?.. В общем, пока все эти «пока» шли, по двору метнулась тень... Стрельнов вырвался во двор, ружье уже играло в руках, но... над калиткой мелькнул серый хвост, а над серой спиной захлопали гусиные крылья... В этот раз «рыжий» прокопал лаз с другой стороны и попал ровно к гусям, впопыхах ухватил птицу и был таков.

В утренних сумерках Пашка разглядывал волчьи следы. Ночью шел слабый снег, и они теперь хорошо отпечатались на земле. «Рыжий» запрыгнул во двор через калитку, значит понимал, стервец, что колючка над забором — опасность, и ушел через калитку, с-собака!.. Соседи уже начали предлагать свои идеи по поимке волка, но исподтишка посмеивались над Пашкой, считали, что мстит волк Стрельнову, ой, мстит за что-то! Может, щенком кормил мало? А может, нечего было этой Машкой, матерью его, хвастать всему поселку? А то ходил тут гоголем — вона, мол, волчара у меня живет, типа кошки. Один товарищ по гаражу предложил ему своего волкодава, «кавказца», но Пашка побоялся — собака чужая, ребенок у него маленький, «кавказец» — он с характером... опасно.

Следующую ночь Пашка не спал, сидел с ружьем. Мысль отомстить, просто отомстить этой скотине зубатой так овладела им, что он даже на работе выговор получил (чуть-чуть ножом бульдозера председателяльскую машину не ткнул, когда снег собирал в кучу), жена дома тоже стала нервничать, причем сделала ему предложение, от которого у Пашки даже в глазах потемнело от ярости:

— Может, нам его прикормить? Будет жить как пес?.. А что? Он же щенком вон как кашу лопал?..

Прикормить?! Пашка кулаки сжимал — да убить, убить эту тварь!! Застрелить хоть больного, хоть здорового! Найду, все равно найду!

И Стрельнов вновь — и после работы, и в выходные, и в любое время — стал искать возможность хоть поймать, хоть застрелить, хоть просто удавить эту заразу. Горячка прошла быстро. Он вновь расставил капканы без приманки во дворе, думая, что если хищник перемахнет калитку, то лапами угодит в ловушки. Жена смеялась, сын Сашка смотрел за папой и говорил тихонько самому себе:

— Не попадет он... он умный.

Рыжий и не попал. Две недели его не было. Подошла вторая половина апреля.

В выходной, рано утром, едва рассвело, возле двора Стрельновых проезжал на мотосажах «Буран» друг по гаражу Колька Сокол, стукнул Пашке в калитку, потом долго звонил в звонок, наконец разбудил его, и когда тот в одном трико, дрожа от холода, выскочил из дома, быстро сказал:

— Видал я твоего волка, только что... на Хальмер-То сидит, просто сидит. Я в бинокль глянул, шея рыжая. Сидит на берегу, и все. Один сидит. Было бы ружье,

я бы снял, но я с рыбалки возвращаюсь, сам понимаешь... Рванешь, так успеешь, сейчас снег рыхлый, по следам выйдешь. Точно он!

Газанул крепче и укатил восвояси. Пашку как пружинной подбросило, он рванулся в дом, наспех оделся, наспех ружье зарядил, с десяток патронов в карман бросил. Сунул ноги в ботинки высокие на шнуровке и побежал заводить «Ниву». Через пять минут машина уже скакала по ухабам и рытвинам весенней дороги к озеру Хальмер-То.

До озера домчался в час, может чуть больше. Место здесь было дикое, пустынное, никто здесь не бродил, никогда не охотился. Местные охотники как-то соблюдали порядки ненцев: раз сказали — озеро нехорошее, значит лучше вообще там не появляться. Правда, недалеко проходила «дорога», по которой рыбаки мотались зимой на Вашкины озера рыбачить, ну да это же в стороне?..

Стрельнову было плевать, какое это озеро — хорошее или плохое. Он был охвачен лишь одной мыслью — найти и уничтожить. Пашка прекрасно знал многие повадки хищников, и одной из них была та, что можно назвать привычкой. Привык волк кормиться в этом дворе, так, пока по-настоящему не спугнешь или не убьешь, и не отвадишь. Конечно, две недели срок немаленький, волк более не может без пищи. Пашка даже подумывал, что, может, хищник перешел на лесную дичь, может, наконец, прекратится охота в его загоне на овец и птицу, но мысль эта как-то не укрепились в его голове. Потому летел он сейчас на это озеро Хальмер-То по ухабам и пробитой грузовиками колее.

На озеро он примчался, когда солнце уже поднялось над горизонтом, голубой лед сверкал своей чистотой, заснеженные берега обрамляли озеро белым воротником, на южной стороне темнели тонкоствольные березки. Солнце сбоку пробивало веточки насквозь, отбрасывая на яркий снег неровные серые тени. Само озеро большим назвать было никак нельзя, метров двести в ширину, метров триста в длину, этакое вытянутое зеркало. В озеро впадало несколько крупных ручьев, и один ручей где-то выходил из него, но найти, где выходил, было невозможно. Однако в полусотне метров, как из-под земли, появлялся новый ручей и тек на восток. Потому ненцы и говорили — течение там хитрое, тянет все живое на дно.

Пашка вышел из машины. Прямо в ботинках, без лыж, пошел по крепкому насту к берегу. Ружье было наготове, курки взведены. Глянул в бинокль, провел взглядом по всему обозримому пространству — волка не было. Он пошел берегом дальше, утопая в снегу по колено. Подумал выйти на лед, да не стал, хотя даже отсюда было видно, что лед такой крепкий, что хоть на его «Ниве» сейчас кататься. Причем лед был уже треснутый, но разломы уходили вниз, в глубь озера на метр, а то и на два. Вновь глянул в бинокль, более тщательно просмотрел и озеро, и весь видимый берег. Пусто. Оторвав бинокль от глаз, Пашка еще раз глянул на белеющий, сверкающий снег, стараясь обнаружить следы хищника, но, увы!.. Где же тот берег, на котором Колька видел волка? Зря точное место не спросил, поторопился.

Он пошел вдоль берега дальше. На всякий случай смотреть стал не только по кромке озера, на этот белоснежный «воротник», но и чуть далее, где снег был чуть темнее, переходя в месиво дороги, а рядом проходили следы лыжни мотосаней. И здесь, уже у самой южной стороны, прямо возле березок, метрах в ста Пашка увидел... волка.

Рыжий лежал под березой, довольно лениво развалившись под ярким апрельским солнцем. Погода стояла теплая, скорее всего уже плюсовая, и волк вытянулся на спине, подставив под лучи свое брюхо. Похоже, он так увлекся принятием солнечных ванн, что даже не заметил охотника. Пашка умудрился подойти метров на шестьдесят... Здесь вскинул ружье и слегка дрогнувшей рукой нажал на спуск...

Ружье ухнуло на пустынном месте, просто гулким ударом. Волк подпрыгнул, сразу увидел человека и побежал прочь. Он бежал до того лениво, словно знал, что ружье не сможет принести ему никакого вреда.

Зверь двигался вдоль перелеска южной стороной, причем трусил так, словно ленился бежать, и Пашку это совсем удивило. Он уходил, поглядывая, догоняет его Пашка или нет. Пашка на всякий случай саданул еще раз со второго ствола. Расстояние было уже большое, и картечь лишь легла где-то сбоку от зверя. Матюгнувшись, Пашка со всех сил побежал берегом озера, на ходу перезаряжая ружье. Во что бы то ни стало он хотел взять зверя, он готов был сейчас бегать за ним хоть весь день, только достать хищника, шкуру снять, принести домой и доказать всем — от жены, сына до самого последнего алкаша поселка, — что если он за что-то берется, то доводит дело до конца.

Зверь бежал легко, нехотя, он не проваливался, как Пашка, в снег, не ругался и не плевался слюной. Пашка матерился на Рыжего, вспоминая книжку про волков, что недавно читал. Вес полярного волка едва достигает пятидесяти килограмм, самый большой хищник за сорок лет отстрела был убит на Таймыре и весил всего пятьдесят два кило, потому, при их широких лапах, в снегу они и не вязнут.

Волк прошел южным берегом озера и, очевидно, хотел уйти в лесотундру. Он уже сделал легкий прыжок через рыхлый снег береговой линии на зимний, еще не подтаявший наст, уже оглянулся последний раз на Пашку-недотепу, но со стороны райцентра, далеко, очень далеко, натужно ревя мотором, двигался в поселок тяжелый «Урал». Это был грузовик с «бочкой», который возил в поселок солярку для дизель-генератора и, видимо, увяз в апрельском снегу на колее.

Рыжий вздрогнул и сделал прыжок в обратном направлении, глянул еще раз на Пашку, который почти бежал в глубоком снегу и... вышел на лед Хальмер-То.

— Ах, ты, гад! — крикнул ему Пашка. — Думаешь, я этой басни испугаюсь? Сволочь лохматая!

С этими словами Пашка быстро подбежал к кромке льда и пошел уверенно по голубой, замерзшей поверхности озера. Волк уходил как-то совсем трусливо, уже не бежал, а просто «трусил». И лапами ступал, словно не по льду шел, а по мягкому тесту. Пашка уже бежал, дыхание срывалось, горло хрипело. Ружье прыгало в руках, он уже дважды хотел пальнуть, но решил все же сократить расстояние до самого верного выстрела... добывать жертву для охотника всегда позорно.

Волк не торопился; казалось, он бежит все медленнее, наконец остановился, глянул как-то перед собой, и вдруг из волчьей пасти донесся какой-то то ли вой, то ли скулеж... жалобно так, словно щенка испугали. Пашка бежал. Смотрел под ноги и видел лед толщиной в метр — не меньше. До волка было уже метров пятьдесят... сорок... тридцать... Волк стоял на месте и смотрел на охотника. Двадцать...

Раздался треск, грохот, словно в хорошем лесу с двенадцатого калибра стрельнули. Пашка даже подумал, что курок у его ружья сорвался... Но тут он почувствовал, что летит вниз... с треском и грохотом. Падает, ноги намокают и тяжелеют. И льдина, огромная, длинная льдина, совсем тонкая, не толще ладони и почему-то неширокая, переворачивается вместе с ним и волком...

Первое, что он почувствовал после обжигающего холода воды, это сильнейший толчок в спину, куда-то под лопатку — льдина треснула, переворачиваясь, и ее кусок ударил Пашку сзади. Хорошо, в спину, а не по голове. Льдина треснула в нескольких местах. Пашка, болтая ногами в ледяной воде, уцепился за крепкий лед перед собой обеими руками. Ружье неведомым образом оказалось лежащим на льду прямо перед ним. Но сейчас было не до ружья. Пашка попробовал вылезти... бесполезно, еще хуже, чем просто держаться. Кто-то очень настойчиво и

незаметно просто утягивал его под лед, просто так ненавязчиво тянул туда... рядом проплыла небольшая льдинка и заплывала под лед, показав Пашке, что его ожидает. Он обернулся — никого. Крикнул: — Спасите, помогите!..

Никого. Обернулся по сторонам — никого. Волк-то где? Неужели его уже утащило под лед? Здесь рядом, сбоку, буквально метрах в трех он увидел Рыжего.

Совсем рядом с Пашкой тот подплыл между льдин к краю крепкого льда, передними лапами попробовал выбраться и подтянуть задние, его тоже начало стягивать под лед, мышцы волка даже через богатую, мохнатую шкуру были в огромном напряжении... Но нет. Не получилось. Рыжий спрыгнул в воду и попробовал взобраться на небольшую льдину сразу за Пашкой. Льдина тут же перевернулась, едва не накрыв собой Рыжего.

Пашка вновь оглянулся по сторонам, вновь заорал:

— Люди, люди, помогите!!

Никого.

И вдруг кто-то тяжелый и мокрый, крепкий и пахучий, когтистыми лапами просто вогнал его в воду... Пашка погрузился почти по самые уши, хлебав ртом озерной воды. Волк прыгнул из воды на его плечи, вначале передними лапами, потом задними... и выпрыгнул на свободу...

Пашка ахнул от изумления — вот тварь! Использовал его как трамплин. Раз не получилось, так он человека использовал и по его спине и плечам вынырнул на крепкий лед. Ах, свинья!!

Волк тут же отряхнулся как ни в чем не бывало, глянул назад на Пашку и побежал вновь к южной стороне озера, где стояли березки.

— Стой!! — вдруг крикнул ему Пашка. — Стой!! Рыжий, как тебя?! Рыжий!!

Волк вдруг остановился, обернулся и посмотрел на Пашку.

— Стой! — крикнул Пашка, понимая, что его начинает затягивать под лед.

— Стой, — попросил он тихо, — не уходи... пожалуйста...

Одежда намочила и висела на нем словно чугунная, удержаться в ней не было никаких сил. Пальцы деревенели на льду, рядом валялось ружье...

— Стой, — вновь попросил он, — боже мой... ну, стой же, не уходи... Ну ты же собака... ты же... немного собака...

Волк повернулся и вдруг... сел на лед. Сидел и смотрел на Пашкину голову, торчащую из воды.

— Помоги, — вдруг сказал шепотом Пашка, сил на громкие слова, на вопли уже не было, сил не было даже на шепот, локти сползли в воду...

— Помоги, — прошептал он, словно прощаясь со светом, — помоги...

И здесь случилось то, что и должно было произойти: волк встал и пошел к Пашке. Подойдя почти вплотную, зверь посмотрел Пашке в глаза, или ему показалось, что зверь посмотрел ему в глаза? Только Пашка вдруг увидел не волчьи, а чисто собачьи глаза, они смотрели на него как-то сочувственно, как будто понимали, что творится с человеком сейчас и что может произойти.

— Помо... помоги... — шепнул Пашка ему в глаза.

Пашка не знал, как волк мог ему помочь, сейчас он был согласен, чтобы его, как щенка, взяли за холку и вытащили на крепкий лед. Он даже был согласен на то, чтобы волк схватил его за руку и откусил эту руку, но лишь бы вытащил его на крепкий лед... он был согласен на все, на все. Но что мог сделать волк?..

Рыжий подошел к ружью, понюхал его и мотнул мордой, потом как-то очень осторожно, как хищник в цирке берет пищу изо рта дрессировщика, взял своими страшными зубами приклад, раздался хруст дерева...

— Да, да, — шептал Пашка бессознательно, — я понял, я понял...

Он ухватился за ремень ружья, благо, что к нему и тянуться не надо было. Волк поднял ружье легко, словно оно ничего и не весило, поднял зубами оружие, из которого его только что хотели убить, и... стал пятиться назад. Пашке понял — это последний шанс! Он перестал держаться за лед и обеими руками, негнушимися пальцами схватился за ремень ружья. Если волк сейчас выпустит приклад из своих зубов, его сразу утянет под лед, если волк случайно выпустит приклад из своих зубов, его сразу... если... если, если...

Рыжий пятился назад. Шел вначале легко, вытянув Пашку почти по пояс, потом лапы его заскользили, волчьи когти вонзились в лед, зверь сдавленно хрипнул, мотнул мордой и резко рванулся назад, пытаясь от смертельной ловушки.

Пашка не мог двигаться, ничем не мог помочь зверю, одно его движение, беспомощное движение — и все может рухнуть в секунду.

Пашка смотрел зверю в глаза, зверь смотрел на него, как бы понимая, что еще не до конца вытащил человека из полыньи. Наконец ноги Пашки выпростались из озера, и он почувствовал твердую ледяную поверхность. Он плашмя лежал на животе, повернув голову набок. Двигаться не мог, дышать не мог, тело жгло холодом, но Пашка холод не чувствовал, просто лежал и смотрел на зверя. В руках был ремень от смертельного оружия... Волк осторожно положил заряженное картечью ружье на лед. Между ними было... метр... метр, не больше. Сейчас хищник мог в две секунды зарезать человека. Пашка посмотрел ему в глаза и увидел, что и волк смотрит ему в глаза...

— Ты все же не совсем волк, — прошептал он.

Рыжий постоял еще секунду, повернулся и, все так же осторожно «трусая», побежал прочь от озера в южную сторону, миновал перелесок из березок и ушел в лесотундру.

Пашка испуганно, с тяжелым страхом пополз к месту, где были видны трещины на поверхности, и, когда увидел, что лед здесь прочный, устало поднялся и, шатаясь и волоча ружье по снегу, из последних сил добрался до машины. Дома ничего не сказал. Только показал приклад ружья, прокусанный волком, и сказал:

— Это Рыжий... 3-зубами, да..

Потом был обморок. Потом воспаление легких. А Рыжего больше никто не видел. Может, он вернулся в свою стаю, а может, новую нашел.

